

гия крепко «вплетена» и в более широкий круг вопросов о бытии и сущности, находящихся вне сферы собственно человеческого бытия и человеческой сущности, но подвергаемых тем не менее человеческому измерению. Однако даже в своем узком варианте эстетическая антропология позволяет лучше объяснить «человеческий» переход из «вещи-в-себе» в «вещь-для-себя», помогает философским способом активизировать, например, «принцип зеркальности самосознания». Само влияние эстетических ценностей на формирование исторической и этнической динамики человеческого бытия и человеческой сущности, а также самопостижение этой сущности человеком именно в оценках эстетической антропологии существенно специфицирует онтологическую и гносеологическую сферы современной философской мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов В. Я. Избранное. М. : Правда, 1982. 464 с.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. Мн. : «Современное Слово», 1998. 480 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х т. Т. 3. М. : Искусство, 1971. 621 с.
4. Гоголь Н. В. Арабески. – М. : Мол. Гвардия, 1990. 431 с.
5. Грэм Гордон. Философия Искусства. М. : Слово, 2004. 256 с.
6. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М. : Республика, 1997. 368 с.
7. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // В сб. ст. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли . М. : Книга, 1990. С. 164-192.
8. Любутин К. Н., Чупров А. С. Истоки философской антропологии. Кант. Шопенгауэр, Фейербах. Челябинск, 2005. 298 с.
9. Мартынов В. Ф. Философия искусства. Мн.: ТетраСистемс, 1999. 336 с.
10. Никитич Л. А. Эстетика: Учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 439 с.
11. Радлов Э. Л. Очерк истории русской философии. В кн. : Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет. Г. Г. : Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 96-216.
12. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. 701 с.
13. Уайльд Оскар. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. М. : Республика, 1993. 543 с.
14. Тэн И. Философия искусства. М. : Республика, 1996. 351 с.
15. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М. : Мысль, 1966. 496 с.
16. Щербинин М. Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования: Монография. Ч. 1. Тюмень, Издательство «Вектор Бук», 2001. 112 с.
17. Щербинин М. Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования: Монография. Ч. 2. Тюмень, Издательство «Вектор Бук», 2004. 164 с.
18. Шопенгауэр А. Собр. соч. в пяти томах. Том 1. М.: «Московский Клуб». 1992. 395 с.
19. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М. : Просвещение, 1993. 479 с.

**Елена Николаевна ЯРКОВА —
профессор кафедры философии,
доктор философских наук**

УДК 316.6

УТИЛИТАРИЗМ КАК ТИП НРАВСТВЕННОСТИ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особого типа нравственности — утилитаризма. Утилитаризм рассматривается как явление двойственное, порождающее позитивные и негативные тенденции в жизни социума. Автор выделяет две основные формы утилитаризма: экстенсивный (потребительский) и ин-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, № 03-03-00090а

тенсивный (производительный), выявляет механизмы качественного роста утилитаризма.

The author tackles «utilitarianism» as a special type of morals. Utilitarianism is regarded as a two-faced phenomenon, generating both positive and negative tendencies in human society. The author singles out the two major forms of utilitarianism: extensive (use-value) and intensive (productive), and clarifies the vehicles of qualitative growth of utilitarianism.

Роль утилитаризма как типа нравственности, всеобщим основанием которого является польза человека, общества, в жизни социума двойственна. Порождаемые утилитарно ориентированной деятельностью позитивные и негативные явления можно представить в виде цепочки антиномий. С одной стороны, утилитарные смыслы имманентны самой природе социального бытия — полное забвение идеалов человеческой пользы равносильно массовому суициду. С другой стороны, гипертрофия утилитаризма, определение человеческой пользы как универсальной программы деятельности, сведение всего многообразия ее мотиваций к утилитарным интересам ведут к деградации общества, оборачиваются тотальным экоцидом. С одной стороны, утилитаристские идеалы государственной, общественной, личной пользы являются важнейшими стимулами социального прогресса. С другой стороны, нарушение баланса этих идеалов, абсолютизация одного из них становится одной из причин экономической стагнации, социальных кризисов, социальной энтропии. Наконец, с одной стороны, утилитаристский принцип пользы человека можно рассматривать как значимый элемент гуманизма. С другой стороны, продуцируемые на основании этого принципа отношения взаимопользования, возведенные в абсолют, являются одним из факторов отчуждения личности, источником дегуманизации культуры. Таким образом, утилитаризм проблематичен по своей природе, он ставит человека и общество перед необходимостью постоянного поиска меры утилитарных смыслов бытия, перед необходимостью выявления некоторого внутреннего баланса этих смыслов. Очевидно, что способность определить приемлемую меру утилитаризма в культуре, сформировать оптимальный вариант соотношения его компонентов является одним из важнейших условий выживания и развития общества. Не выдвигая в качестве эталона совершенства западную культуру, необходимо констатировать, что интеллектуальная традиция выявления меры утилитарности культуры сложилась здесь еще во времена античности и не прерывалась на протяжении более чем двух десятков веков. В России рефлексия утилитарной нравственности развивалась по пути абсолютизации крайностей. От уничтожающей критики утилитаризма российская общественная наука переходила к апологетике его максималистских и односторонних форм. Такого рода инверсионная динамика интеллектуальной мысли в силу существующих между высокой и повседневной культурой прямых и обратных связей способствовала консервации примитивных видов утилитаризма в обыденной, массовой культуре, что в свою очередь создавало постоянную угрозу архаизации общества, реанимации примитивных форм социально-экономического бытия, препятствовало формированию новых, более эффективных стратегий жизнедеятельности. Продиктованная необходимостью решения насущных социально-экономических проблем потребность преодоления сложившихся в отечественной науке противоречий в оценках утилитарной нравственности, обуславливает актуальность направленной на переосмысление сложной, амбивалентной роли утилитаризма в процессах социокультурной динамики, реконструкции его концептуальных основ. Современная нравственная ситуация России, для которой характерна актуализация утилитарных нравственных установок, предоставляет для такой реконструкции обширный материал. В свою очередь, теоретическое обобщение этого материала может служить

одним из источников знаний для формирования стратегий социально-экономического развития России.

Утилитаризм в ценностном и деятельностном измерениях.

Смысловая палитра утилитаризма как типа нравственности богата и разнообразна. Научно продуктивным представляется обобщение этого многообразия с позиций двух подходов — ценностного и деятельностного.

В ценностном аспекте утилитаризм предстает как система ценностей и смыслов, высшей ценностью, метасмыслом которой является безусловное, непосредственно ощущаемое благо человека, общества. Семантическое содержание утилитаризма концентрируется вокруг идеи возведения материального и социального благополучия в статус высшего блага. Яркое представление о специфике утилитаристского понимания высшего блага дает религиозная философия, противопоставляющая «человека духовного», устремленного к граду Божьему, «человеку душевному, плотскому», принадлежащему граду Земному. Именно Земной град, «психоматериальное царство» (Н. О. Лосский), определяющий душевно-телесное благо человека как высшее, является сферой сосредоточения утилитарных смыслов бытия. Таким образом, в рамках утилитаризма происходит «переворачивание» религиозной смысловой иерархии: душевно-телесное начало человека квалифицируется как первичное и определяющее, тогда как духовное рассматривается как вторичное, производное. Значение подобной смены приоритетов для развития социально-экономической сферы жизни общества трудно преувеличить. Преодолевая порождающий «невыносимый материализм и жестокость нашей экономической жизни» (1), взгляд на материальную (экономическую) сферу бытия как область ценностно-нейтральную, не подлежащую идеализации, она создает нравственные предпосылки развития этой сферы. Однако очевиден и тот факт, что, осуществляя позитивную миссию реабилитации посясторонней материальной сферы бытия как ценностно-значимой, утилитаризм впадает в другую крайность. Квалифицируя духовное начало человека как вторичное, эпифеноменальное, он утверждает инструментальное отношение к духовным ценностям как средствам достижения утилитарного блага.

Присущий утилитаризму потребительский подход к духовным ценностям ярко проявляется, например, в отношении носителей утилитарной нравственности к религии. Утилитаризм продуцирует специфический, широко представленный в повседневной культуре тип религиозности — утилитарную религиозность, предполагающую отношение к религии как к средству достижения эмоционального комфорта, социального престижа. Впрочем, утилитаризм может облекаться и в атеистическую оболочку, атеизм во многом обязан своим происхождением именно утилитарной нравственности, определяющей посястороннее земное счастье человека как высшее благо. Важно отметить, что даже в тех случаях, когда утилитаризм отказывается от религии, он активно использует ее формы — утилитарная идея служения благу общества, человека может приобретать типично религиозный пафос, наполняться религиозной символикой, облачаться в ритуальные одежды святой веры. Сакрализация утилитарных ценностей призвана компенсировать ограниченность, ущербность этого типа нравственности, восполнить его духовную пустоту. Одна из темных сторон утилитаризма — нигилизм, в русле которого происходит дискредитация высокой культуры, как «бесполезного излишества», «романтической чепухи», «беспочвенного идеализма».

Дистанцируясь от всякого рода «метафизики», утилитаризм зачастую апеллирует к физике в широком понимании — природе человека, общества. Апелляция к природе человека, его естественному, «докультурному» состоянию является способом верификации культуры на предмет ее соответствия естественным потребностям человека, его эмоциональному и физическому комфорту. Утилитарный натурализм следует отличать от архаичного природоцентризма, пантеизма. В рамках утилита-

ризма происходит десакрализация природы, которая рассматривается с позитивно-потребительских позиций — как некоторая материальная первооснова жизни, строительный субстрат, а также неисчерпаемый резервуар ресурсов, предназначенный для удовлетворения потребностей человека. Тезис: «Природа — не храм, а мастерская» — в концентрированной форме выражает типично утилитаристскую идею — идею подчинения природы человеку. Однако утилитаристский антропоцентризм не выдерживает испытания самим утилитарным принципом пользы, поскольку инициирует процессы разрушения биосферы, следовательно, и природы самого человека.

Соотношение утилитаризма и гуманизма в целом неоднозначно. Присущая утилитарной нравственности нацеленность на усовершенствование материальных и социальных условий существования человека формирует чрезвычайно важную для становления центральной идеи гуманизма — идеи самоценности личности — стратегию культивирования способностей человека к инновационной деятельности, т. е. стратегию саморазвития человека. Это позволяет рассматривать утилитаризм как важнейший этап становления гуманизма, как специфическую историческую его форму. Конечно, утилитарный гуманизм — это гуманизм усеченный, профанный, в своем примитивном, потребительском виде он являет собой отнюдь не «культивирование человечности», но культ человеческих потребностей, культ вещей, в смысловом пространстве которого человек уравнивается с вещью, утилитарный гуманизм модифицируется в антигуманизм.

В ценностно-смысловом пространстве утилитаризма условно можно выделить два уровня.

Первый включает собственно утилитарные фиксированные ценности: удовольствие, счастье, успех, любовь, благосостояние и т. п. Гедонистическая и эвдемонистическая компоненты утилитаризма особенно значимы, поскольку именно они выступают как некоторые дополнительные, конкретизирующие главный принцип полезности, критерии нравственности.

Второй не включает фиксированных ценностей, представляя собой изменяющееся в зависимости от ситуационной конъюнктуры образование: ценностно-значимым представляется все, что приносит максимальную пользу человеку или обществу. Польза, удовольствие, счастье — понятия относительные, отсюда и сам утилитаризм неотделим от релятивизма. Моральный долг в рамках утилитаризма не фиксирован: должное попадает в зависимость от сущего; подвергаемое постоянной утилитарной ревизии, оно отличается текучестью и неустойчивостью, образцы поведения приобретают динамичный, изменчивый характер. Утилитаристский релятивизм подготавливает почву для прорастания принципов автономной нравственности. Утилитаристский здравый смысл можно рассматривать как предтечу рационального мышления, как микрорационализм. В рамках утилитарного, объектно-вещного восприятия реальности происходит расчленение присущей архаичной культуре язычески пантеистической бессубъективности, формируется субъект — объектное отношение человека к окружающему миру. Утилитарная интерпретация действительности превращает мир в предмет аналитических размышлений человека, в ходе которых осуществляется вычленение и оценка отдельных его элементов, происходит осмысление причинно-следственных связей явлений действительности. Однако основанная на подсчете максимальной пользы «утилитаристская арифметика» не дотягивает до подлинного рационализма: утилитаризм, сосредоточенный на решении частных задач недальновиден, он не озабочен проблемой поиска всеобщих оснований бытия. Элиминация абсолютных ценностей, практическая вариативность утилитарных нравственных норм определяют высоту фактора риска утилитаристски мотивированной деятельности. «Ахиллесовой пятой» утилитарной логики культуры является ее неспособность к масштабным причинно-следственным обобщениям, следовательно, неспособность к широкому видению проблем, принятию стратегически дальновидных решений.

В деятельностном аспекте утилитаризм являет собой определенный тип программ, мотиваций человеческой деятельности, в основании которых лежит специфически утилитарное отношение к миру как к средству — источнику утилитарных благ. Критерием целесообразности деяний в условиях утилитарных ценностных ориентаций является степень их практической пользы для человека, интенсивность направленности на удовлетворение его базовых физиологических и социальных потребностей. Примыкая к конвенциональному типу нравственности, признающей, что ценность действия определяется ценностью его результатов и последствий, утилитаризм в целом тяготеет к эмпиризму. Однако его нельзя отождествлять с прагматизмом. Последний, выдвигая в качестве главного морального ориентира развитие и реконструкцию опыта, распространяет креативную стратегию на все этажи культуры, включая духовные ценности. Антидогматизм утилитаризма менее радикален, он ограничен рамками полезного изобретательства, а также идеей манипулирования уже сложившимися трансцендентными смыслами, духовными ценностями. До идеала творческой свободы утилитаризм не дорастает, поскольку ценность высокого творчества в его рамках не актуализирована, более того, с позиций узкого практицизма оно рассматривается как отвлекающее от общественно-полезной деятельности занятие. Нравственность утилитаризма двойственна — консервативна и инновационна, она не поощряет высокое творчество, но санкционирует усовершенствование материальной сферы культуры, открывая тем самым простор для технологических инноваций. Утилитаризм продуцирует специфическую, ограниченную рамками средств, форму прогресса — инструментальный прогресс. Вся сложность проблемы заключается, однако, в том, что не всякий утилитаризм содержит в себе идею прогресса.

Можно выделить два основных типа утилитаризма, отличающихся друг от друга устанавливаемыми ими способами достижения благосостояния — *экстенсивный* и *интенсивный*.

В рамках *утилитаризма экстенсивного типа* основным способом увеличения объема благ представляется их наращивание за счет перераспределения, присвоения, накопления уже существующих благ. Непроизводительные экстенсивно-утилитаристские стратегии достижения благосостояния могут носить *коллективистский, уравнилельно-распределительный*, полагающий в качестве высшего блага «благо общества», общественный интерес, или *индивидуалистский, разделительно-присваивающий*, утверждающий в качестве высшего блага «благо индивида» частный интерес. Потребительская доминанта экстенсивно-утилитаристской нравственности исключает саму возможность формирования в ее пространстве идеи баланса общей и индивидуальной пользы, диалога частного и общего интересов.

Утилитаризм интенсивного типа основным способом наращивания благ утверждает развитие технологий благопроизводства, повышение эффективности производственной деятельности. В его смысловом пространстве складывается убеждение о контрпродуктивности односторонних коллективистских или индивидуалистских трактовок высшего утилитаристского блага; постепенно формируется представление о взаимозависимости, взаимообусловленности частных и общих интересов, взаимообусловленности всеобщей и индивидуальной пользы. Реализация частных интересов рассматривается как единственно продуктивный путь реализации всеобщего интереса, вместе с тем всеобщая польза квалифицируется как важнейшее условие и значимый элемент пользы индивидуальной.

Граница между экстенсивным и интенсивным типами утилитаризма — важнейший рубеж в развитии культуры. Интенсивный утилитаризм возникает вследствие преодоления основного противоречия экстенсивного утилитаризма — противоречия между потребностями в получении благ и потребностями в их производстве. Однако путь от экстенсивного утилитаризма к интенсивному — это не автоматическая смена форм, обусловленная простым количественным накоплением утилитарных смыслов. Ин-

тенсивный утилитаризм — продукт рефлексии, он рождается в процессе «снятия» противостояния двух разновидностей экстенсивного утилитаризма — коллективистского уравнилельно-распределительного и индивидуалистского разделительно-присваивающего. Взаимная корректировка, синтез двух разнонаправленных потребительских экстенсивно-утилитаристских стратегий — конкурентной и кооперативной — становится источником новой производительной стратегии — интенсивного утилитаризма.

Этика утилитаризма как источник внутренней динамики утилитарной нравственности.

Понимание механизмов внутренней динамики утилитаризма неотделимо от представления о существовании трех основных его форм — нравственной, моральной и этической, отличающихся по степени рефлексивного осмысления бытующих утилитарных норм. Начальный уровень обобщения обыденной нравственности являет мораль — «отцеженная, уплотненная и засохшая в нормы и предписания форма нравственности» (В. Библер), этика предстает как рефлексия второго порядка, как «неспокойная совесть морали» (Т. В. Адорно). Выступая одновременно как теория морали, делающая обыденный утилитаризм предметом изучения, и как сама нравственность утилитаризма в теоретической форме, этика утилитаризма является сферой ценностной легализации и моральной легитимации повседневного утилитаризма. В рамках этического утилитаризма артикулируются, аргументируются и систематизируются нравственные принципы утилитаризма, получают моральную легитимацию умеренные или развитые его формы. Этический утилитаризм может стимулировать или блокировать переход от умеренного утилитаризма к развитому в повседневной массовой культуре, поскольку именно его усилиями осуществляется концептуальное оформление идеи синтеза двух разнонаправленных потребительских умеренно-утилитаристских стратегий — коллективистского уравнилельно-распределительного и индивидуалистского разделительно-присваивающего, осуществляется прорыв к новой, развитой форме утилитаризма.

Ведущей сферой моральной легитимации утилитарных смыслов бытия в религиозно-ориентированных культурах является религиозная этика. Разумеется, религиозную этику нельзя относить к утилитарному типу, однако очевидно, что она включает в свой ценностно-смысловой арсенал некоторые утилитарные смыслы. При этом различные религиозные традиции отличаются в первую очередь объемом санкционируемых ими утилитарных смыслов. Наиболее широко эти смыслы представлены в религиях, «обращенных к миру» (католицизме, исламе, конфуцианстве и др.), тогда как религии «отвергающие мир» (буддизм) минимизируют объем допустимых с позиций религиозной догмы утилитарных благ(2). Помимо этого различные религиозные традиции отличаются своей направленностью на легитимацию экстенсивных или интенсивных форм утилитаризма. Содержание религиозных мотиваций, освящающих стратегии развитого утилитаризма, может быть достаточно разнообразным. Однако центральным сюжетом этих мотиваций выступает облекаемая в религиозную оболочку идея синтеза личного и общественного блага. Эта идея составляет, например, смысловой каркас протестантской этической концепции профессионального призвания, основополагающими принципами которой являются принцип религиозного индивидуализма (личного, отрицающего помощь церкви, спасения) и принцип угодной Богу деятельности на пользу общества (3). Впрочем, протестантская этика — лишь одна из форм религиозной идеализации стратегий утилитаризма интенсивного типа, возможны и иные, например, хозяйственная этика русского старообрядчества (4).

Другая важнейшая сфера моральной легитимации обыденного утилитаризма — философия нравственности. Наиболее широко этический утилитаризм представлен в западной моральной философии, отличительной особенностью которой является, помимо этого, ее приверженность идеалам утилитаризма интенсивного типа. Контуры

важнейшего принципа интенсивного утилитаризма — принципа баланса общей и индивидуальной пользы проступают в философии софистов. Идеи античного утилитаризма наследует и развивает, усиливая мотивы достижительности, этическая мысль Возрождения (Л. Б. Альберти, Н. Макиавелли). Кульминационной точки западный утилитаристский этико-философский дискурс достигает в эпоху Нового времени. Моральная философия этого периода выступает как рефлексия над социально-нравственной ситуацией быстро развивающегося капитализма. Общий методологический и аксиологический фундамент философского утилитаризма Нового времени закладывают учения Ф. Бэкона и Р. Декарта, более детальную расшифровку важнейшие положения утилитаризма интенсивного типа находят в творчестве Т. Гоббса, Д. Локка, в учениях идеологов Просвещения — теориях «разумного эгоизма», концепции интереса, в трудах представителей классического утилитаризма И. Бентама, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера и др. Центральное место в пространстве утилитаристского этико-философского дискурса Нового времени занимали две основные проблемы, связанные с необходимостью конструирования мировоззренческой основы новых буржуазных способов жизнедеятельности производства: проблема научного и морального оправдания достижительного индивидуализма и проблема теоретического обоснования совместности идеалов достижительного индивидуализма с идеалами альтруизма. Первая проблема решалась за счет: провозглашения эгоизма атрибутивным свойством человеческой природы, квалификации личного интереса (пользы) как ведущей мотивационной основы жизнедеятельности, апологии частной собственности как продукта, ориентированного на достижение индивидуального благополучия, труда. Решение второй проблемы было связано с конструированием новой, кардинально отличной от феодально-абсолютистской, концепции социального согласия. Специфика этой концепции заключалась в том, что ее основу составлял принцип взаимозависимости, взаимообусловленности частных и общих интересов, всеобщей и индивидуальной пользы. Реализация частных интересов рассматривалась как единственно продуктивный путь реализации всеобщего интереса, вместе с тем всеобщая польза квалифицировалась как важнейшее условие и значимый элемент пользы индивидуальной. Сформулированная таким образом диалектика частного и общего интересов составляла смысловой фундамент специфически утилитарной концепции социальной справедливости, ключевым принципом которой выступал принцип баланса конкурентного и кооперативного аспектов социального бытия. Разумеется, этот принцип, будучи самым обобщенным выражением утилитаризма интенсивного типа, требовал дальнейшей проработки, детализации, которая осуществляется в этико-философских рефлексиях утилитаризма XX века. В 60-е г. XX вв. утилитарный моральный дискурс разделяется на два русла: утилитаризм поступка (Дж. Дж. С্মарт, С. Тулмин и др.) и утилитаризм правила (Р. Брандт, Д. Харрисон и др.). 1970-80 гг. — период рождения неопутилитаризма, развивающегося в широком диапазоне вариантов: утилитаризм мотива (Р. М. Хеар), мировой утилитаризм (Ф. Фельдман), стратегический утилитаризм (В. Б. Эллис) (5). Таким образом, западная философия отличалась необычайно широким размахом утилитарного дискурса, влияние которого на повседневную массовую культуру было значительным. Усилиями философов-моралистов Античности, Возрождения, Нового времени идеалы развитого утилитаризма превратились в составную часть мировоззрения западного «фаустовского» человека, инструментальный рационализм стал квалифицироваться как отличительная черта западной ментальности. Конечно, идеалы утилитаризма экстенсивного типа также находили своих сторонников, например, в лице создателей концепций утопического социализма, однако монополизации социалистических доктрин препятствовала широкая критика идеалов утилитаризма экстенсивного типа (Б. Мандевиль, Д. Юм, О. Конт).

В моральной философии Востока утилитаризм не получает столь широкой философской интерпретации. Утилитарные мотивы присутствуют в трактате «Артхаша-

стра» Каутильи, в этике локаяты. В китайской традиции этическими системами утилитарного толка можно считать моизм, учение Ян Чжу, Ван Чуна. Конец XIX-середины XX вв. — период появления значительного количества этических доктрин утилитарного типа, среди них: «китайский прагматизм», «арабский социал-дарвинизм», популизм (М. К. Ганди, С. Ятсен, К. Сосюй), маоизм, чучхеизм. Однако преобладающие позиции в этико-философской традиции Востока принадлежали утилитаризму интенсивного типа. Основным способом достижения всеобщего блага утверждался возврат к племенным, общинным отношениям, уравнительной справедливости.

Развитие этического утилитаризма в России определялось важнейшей особенностью русской интеллектуальной культуры — спаянностью философской и богословской мысли. Приоритет православно ориентированных этических учений означал забвение утилитарных. Православие, будучи «отвергающей мир» религией, минимизировало объем морально приемлемых утилитарных благ. Прецеденты выхода этико-философской мысли за рамки православных идеалов появляются в петровскую и послепетровскую эпоху (В. Н. Татищев, С. Е. Десницкий, А. Н. Радищев и др.). Однако возникшее на волне вестернизации русской культуры увлечение идеалами западного экстенсивного утилитаризма сменяется охранительными тенденциями. Весомый вклад в общую копилку антиутилитаристских концепций в России внесли славянофилы, для которых развитый утилитаризм был олицетворением разрушающего русскую духовность и братский коллективизм западного рассудочного духа, продуктом разложения западной цивилизации. Единомышленниками славянофилов в этом вопросе были западники, квалифицирующие утилитаризм как негативный элемент западной культуры. Отказ от идеалов интенсивного утилитаризма Запада не означал неприятия иных его форм. Под влиянием идей западного утопического социализма в русской культуре формируется этика популизма, основу которой составлял утилитаризм экстенсивного типа. Стержневыми установками этических воззрений российских популистов Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, П. А. Кропоткина, П. Н. Ткачева, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского выступали идея первичности народного блага, основным способом достижения которого представлялось уравнительное перераспределение уже имеющихся благ, а также вытекающий из этой идеи принцип редукции частного интереса к общему. Симптоматично, например, что теория «разумного эгоизма» на русской почве обретала иной, отличный от классического, смысл. Н. Г. Чернышевский интерпретировал разумный эгоизм как сознательное подчинение личного интереса интересам революционной борьбы, как самопожертвование личности во имя счастья людей (6). Этика популизма содержала мощный заряд критики идеалов интенсивного утилитаризма, особенно действенной в плане блокирования этих идеалов была сформулированная лидером популизма А. И. Герценом идея ускоренного, «минуя стадию капитализма», развития России. Что касается критического осмысления идеалов экстенсивного утилитаризма, то в русской интеллектуальной культуре оно появляется достаточно поздно — в философии серебряного века. Кроме этого, критика экстенсивного утилитаризма в русской философии осуществлялась не с позиций интенсивного утилитаризма, а с позиций облаченных в религиозно-мистическую оболочку персонализма, экзистенциализма и т. д. Типической чертой этой критики было ригористическое неприятие любых форм утилитаризма. Русских мыслителей серебряного века объединяло стремление не допустить распространения идей «бентамизма», «мещанской бескрылости», в то время как это меньше всего грозило русской культуре, поскольку она страдала не столько от развития утилитаризма, сколько от недостаточного его развития, т. е. преобладания экстенсивных форм.

Советский период связан с конструированием новой этической модификации утилитаризма — этики марксизма-ленинизма. Специфической особенностью этой этической системы было стремление соединить базовые идеалы экстенсивного уравни-

нительно-распределительного утилитаризма с некоторыми элементами интенсивного утилитаризма, в частности, с ценностями достижительности. Однако такое соединение осуществлялось не на основе принципа баланса общей и индивидуальной пользы, но на основе принципа слияния личных и общественных интересов, при этом оговаривалось, что: «В условиях социализма, когда еще сохраняется различие общественных и личных интересов, принцип коллективизма требует приоритета первых над вторыми, если между ними возникает противоречие» (7). В результате подобного дисбаланса соединение различных смыслов превращалось в механическую эклектику. Таким образом, вплоть до конца XX в. интенсивный утилитаризм не был абсорбирован русской культурой, экстенсивный утилитаризм, напротив, был моральной территорией, на которой сходились оппозиционные течения.

Социально-экономические проекции утилитарной нравственности.

Представление о нравственности как о смысловой основе социального бытия, как о «силе, формирующей действительность» (А. Швейцер), открывает возможность выявления корреляций между нравственными и социальными идеалами, между различными видами утилитаризма и формами социально-экономического бытия.

Анализ нравственных оснований хозяйственных идеологий традиционных, доиндустриальных, аграрных обществ показывает, что значимым элементом этих идеологий был экстенсивный — коллективистский уравнительно-распределительный, возникающий, по утверждению А. С. Ахиезера (8) на фоне архаичного синкретизма и индивидуалистский разделительно-присваивающий, названный М. Вебером доиндустриальным, допромышленным капитализмом, утилитаризм (9).

Утилитаризм интенсивного типа составляет нравственную основу хозяйственных идеологий индустриальных обществ. Разумеется, он не возникает внезапно — индустриализация в своей нравственной основе есть процесс вытеснения идеалов экстенсивного утилитаризма идеалами интенсивного. Однако этот процесс сложен и неоднонаправлен. В социальной философии сложилось представление о двух основных, кардинально отличных способах индустриализации — социализме и капитализме (10).

Исходным принципом формирования хозяйственной идеологии капитализма становится принцип синтеза двух основных форм экстенсивного утилитаризма — коллективистской, уравнительно-распределительной и индивидуалистской, разделительно-присваивающей, в результате которого рождается новая форма утилитаризма — интенсивный утилитаризм. Последний, в свою очередь, становится нравственным источником таких основополагающих институтов постиндустриального, посткапиталистического общества, как ответственный бизнес и гражданское общество.

Исходным принципом формирования хозяйственной идеологии социализма становится принцип партиципации к одной из форм экстенсивного утилитаризма — коллективистской, уравнительно-распределительной и, соответственно, отчуждение от индивидуалистской, разделительно-присваивающей его формы. Сам принцип партиципации малопродуктивен, он блокирует процессы смыслообразования. Хозяйственная идеология социализма не создает значимых предпосылок вытеснения экстенсивного утилитаризма интенсивным, она являет собой феномен антиномичного наложения некоторых элементов интенсивного утилитаризма, без которого развитие было бы немислимо, на экстенсивно-утилитаристскую уравнительно-распределительную основу. В результате процесс индустриализации приобретает паллиативные формы, зависает в промежуточном состоянии.

Представление об индустриализации как нравственно обусловленном процессе делает очевидным тот факт, что «выбор» социалистического или капиталистического способов индустриализации не определяется всецело решением политических лидеров или волей революционно настроенных слоев общества. Этот выбор является нравственным выбором, он обусловлен степенью зрелости утилитарных представле-

ний в массовом сознании. Социалистический выбор России определялся тем, что преобладающей формой утилитаризма в России был экстенсивный утилитаризм. Качественный рост утилитаризма в российском обществе всегда был проблематичен в силу того, что ведущим принципом согласования интересов практически на всех этапах исторического пути России выступал принцип иерархии интересов. Исторически сложилось так, что главенствующие позиции изначально занял государственный интерес, который монополизировал интересы групп, частных лиц и т. д. Гипертрофия государственного интереса способствовала консервации примитивных форм утилитаризма во всех слоях общества. Понимание ущербности однобокой интерпретации общенационального интереса в российском обществе рождается достаточно давно (Радищев, Посошков), однако, отказываясь от этатистских трактовок национального интереса, в качестве альтернативы российская интеллигенция выдвигала популистские. Абсолютизация интереса государства сменялась абсолютизацией интереса народа, тогда как сам принцип иерархии интересов оставался неизменным. Идея народной пользы выполняла роль смыслового центра большевистской идеологии, ею вдохновлялись революционно настроенные слои общества. Однако, будучи эффективной в качестве революционной стратегии, направленной на захват власти и перераспределение собственности, эта идея оказалась недостаточно эффективной в качестве стратегии социально-экономического развития. Идея первичности общего блага, в какие бы романтические формы она не облекалась, не могла играть роль универсального движителя развития общества. Нивелирование индивидуальной пользы гасило частную инициативу, оборачивалось деструкцией всей хозяйственной системы реального социализма. Нарастающая в перестроечный и постперестроечный период критика «уровнировки», убеждение в том, что именно она была главной причиной торможения процессов индустриализации, тем не менее не приводит к формулированию принципа баланса интересов. Достаточно зримой во всех слоях российского общества в постсоветский период становится тенденция абсолютизации индивидуальной пользы, выдвижения на первую ступень иерархической лестницы интересов частного интереса. Эта идея составляла нравственный каркас постсоветских рыночных реформ. Несомненно, важная для России, в нравственной культуре которой индивидуализм никогда не получал столь широкой общественной санкции, идея примата индивидуальной пользы также ограничена. Она не создает предпосылок для качественного роста утилитаризма. Неслучайно в результате рыночных реформ в России активизируются допромышленные, доиндустриальные, хищнически-потребительские формы капитализма. Существуют ли в современной России предпосылки становления интенсивных форм утилитаризма? Несомненно, существуют. Наметим важнейшие. Одна из предпосылок — осознание интеллектуальным слоем общества дефицита духа зрелого производительного утилитаризма. Быть может, впервые в истории России дух производительного капитализма рассматривается как позитивная ценность (11). В качестве другой предпосылки выступает то обстоятельство, что все возможные варианты редуccionистских трактовок общенационального интереса уже апробированы общественным сознанием. Это не исключает возможности возвращения к одному из них, тем не менее, создает определенную напряженность вокруг самого принципа редуccionистского решения. Наконец, третьей предпосылкой является вызов глобального мира, который ставит Россию перед выбором — либо быть отодвинутой на периферию этого мира, либо занять в его пространстве достойную позицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Пер. с англ. М., 2001. С. 136.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. Пер. с нем. М., 1994. С. 260-276.
3. Вебер М. Протестантская этика // Сборник статей. Ч. 1 и 2. М., 1973. С. 22.

4. Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998. С. 165–172.
5. См. Куликова Н. Н., Медзгова Я. Этика утилитаризма и современная борьба идей. М., 1986.
6. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Избр. филос. соч. Т. 3. М., 1950.
7. Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. 4-е изд. М., 1981. С. 130.
8. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1997-1998. С. 521.
9. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 70-206
10. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 110.
11. См.: Федотова В. Г. Когда нет протестантской этики // Вопросы философии. 2001. № 10.

Владимир Дмитриевич ЖУКОЦКИЙ —
заведующий кафедрой философии
Нишневартовского экономико-правового
института (филиала) ТюмГУ,
доктор философских наук, профессор

УДК 378.14

ГУМАНИЗМ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА /УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НОВАЦИЯ В НИЖНЕВАРТОВСКОМ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОМ ИНСТИТУТЕ (ФИЛИАЛЕ) ТюмГУ/

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена одной из актуальных проблем современной высшей школы – проблеме гуманизации и гуманитаризации образовательного процесса. Ставится вопрос об интеграции всего блока социально-гуманитарных дисциплин высшей школы путем введения специального курса «Основ современного гуманизма», как прикладной, нравственно и граждански ориентированной философской дисциплины, способной претендовать на статус итогового государственного экзамена.*

The author considers- the problem of humanization and humanitarization of educational process, as one of the topical issues of today. Special attention is paid to the question on integration of the whole set of social and humanitarian disciplines by the introduction of a special course «Foundations of modern humanism» as an applied philosophic subject where an accent is made upon civic morals.

Российская высшая школа переживает один из самых драматических моментов в своей истории. К общей волне безоглядной либерализации и прагматизации образовательных учреждений прибавляются вполне осознанные и целенаправленные действия по включению в так называемый «болонский процесс», взрывающий все здравые образовательные традиции России. На глазах тают великие достижения советской образовательной системы, когда к нам приезжали учиться глубине и основательности постановки проблем образования на общегосударственном уровне. Все более заброшенными становятся концепты *воспитывающего образования* великих педагогов современности. Отсутствие какой-либо идеологической определенности в позиции государства, призванного по конституции быть светским, но не предпринимающего для этого никаких осознанных усилий, оказывает деморализующее воздействие на всю образовательную систему, все более погружающуюся в мировоззренческий хаос. Все это и многое другое заставляет задуматься над ситуацией, в которой мы оказались, и о первоочередных шагах, которые способны вывести нас из возникшего тупика.